

© 2013 г. Т.И. Макогон

УДК 101

СОБСТВЕННЫЕ ЛОГИКИ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ

Избрав местные сообщества предметом исследования, мы рассматриваем сообщества как формы пространственной концентрации населения, как формы их пространственной социализации. В первую очередь мы ставим для себя задачу определить понятийные рамки их сравнимости. Сообщество воспринимается нами сначала пространственно, а затем через социальную концентрацию, социальную плотность. В пространствах местных сообществ концентрируются социальные, общественные структуры, дифференциальные различия, традиции и навыки. Социальная концентрация и дифференциальные различия по содержанию являются его формой. Качества дифференциаций, структура социальной концентрации различны от сообщества к сообществу. В этом смысле тип социальной концентрации является местной спецификой сообщества. Структура, величина и плотность социальной концентрации являются пространственными маркерами местного сообщества, пространственными организационными принципами, которые в их связке с процессами глобализации, гомогенности и гетерогенности показывают определенное логическое пропорциональное переплетение, характерное именно для определенного местного сообщества.

Местное сообщество как специфический пространственно-структурный концепт

Своеобразием местных сообществ является параллельное существование объединяющих логик национального государства со специфическими локальными образцами объединяющего действия в разветвленных сетях местных акторов и институций. Локальные исследования показывают, что смысловые конструкции в местных сообществах имеют возможность формально перегруппировывать, изменять правительственные схемы, поскольку базируются на локально-обусловленных процессах. В каждом сообществе есть структуры, которые традиционно влияют на смысловые действия индивидов и групп. Здесь можно выделить три направления:

1. Институты, которые концептуально удерживают действия влияющих структур.
2. Формирования, вычленяющие различные структурные логики сообществ.
3. Структуры, связывающие сообщества одинаковыми точками зрения и идентифицирующие типы сообществ.

Местное сообщество, таким образом, может быть изображено не только как контекст, задний план, поле, медиум, но и как форма, пространственная форма или, точнее, как очень специфический пространственно-структурный концепт. Сообщество представляется нами как простирающееся пространство в определенных границах, в его инклюзивном развитии, которое возникает из когнитивных синтезированных достижений. Согласование пространственных форм и габитуированных диспозиций местного сообщества происходит праксеологически.

Местное сообщество – «специфическая форма социализации, это собственная смысловая провинция, чья логика определяется через концентрацию и гетерогенность» [1, с. 193]. Так как для формы местного сообщества конститутивными критериями являются границы и социальная концентрация, сообщество является результатом конструкционистской наименовательной практики, социальной и конститутивной единицей с четко обозначенными границами образования.

Такое понимание местного сообщества не игнорирует образования регионов, а наоборот, подразумевает образование местного сообщества от конструкции обстоятельственной зависимости. Через переплетающиеся системы, транспортные, логистические сети, а также мультицентральность и субурбанистические формы перестроения сообщества действуют в своих границах неоднозначно. Одновременно существует практика, которая позволяет или даже принуждает распознавать сообщества как образования с собственной логикой. Местное сообщество – это не только та единица, которая названа в системе самоуправления муниципальным образованием, а такое формообразование, которое повседневно проживается, переживается и практически познается как самостоятельная структура, продуцируемая когнитивно.

Однако такая структура, как местное сообщество, развертывает социальные влияния, действия, которые выходят далеко за его управленческие границы. Во многих случаях конструкция формы местного сообщества очень то-

лерантна на предмет различностей, это не одинаковая для всех платформа, а поле для выражения различных взглядов и установок, арена для различных форм коммуникации, терпимая к компромиссам.

В смысловую систему современного общества местное сообщество входит как познаваемая единица. Местное сообщество рождает дифференциальные различия по отношению к другим сообществам, одновременно представляя внутриживущим в сообществе конструкции единения и собственной местной самости.

Сообщества познаются как «свое» и как «другое». Местное сообщество – высоко эмоциональное, занятое собственное пространство, включающее в себя все пространственно-социологические аргументы, социальную эксклюзивность, вытеснение, изоляцию, дискриминацию. Мы рассматриваем современное местное сообщество как принципиально доступную социальную единицу в представлении специфического смыслообразования.

Чтобы определить, как сообщество влияет на своих жителей эмпирически, мы попытаемся определить специфику его границы детально. На наш взгляд, именно собственная логика местных сообществ помогает понять их специфическую детализацию.

Энтони Гидденс говорит о правилах и ресурсах, которые рекурсивно выражены в институтах местных сообществ. Правила завязываются на конституцию смысла или на санкционирование действия. Они имплицитно определяют способы и условия процессов в социальных отношениях до самой кодификации этих отношений. Ресурсы являются «медиумами, через которые власть будет исполняться как элемент навыка реализации поведения в общественной репродукции» [2, с. 67].

Необходимо различать в местных сообществах ресурсы аллокативные, т.е. материальные, и авторитарные, т.е. символически направленные на персоналии. Институализированные структуры в местных сообществах являются собой изолированные массы этих правил и ресурсов, аллокативных и авторитарных. Институализированные структуры местного сообщества, в отличие от общественной структуры в целом, показывают зависимость от места и времени события. Концептуально можно сформулировать, что ресурсы и правила (и в этом смысле структуры) имеют местно-специфическую силу. Таким образом, смысловая структурированность местного сообщества базируется на осуществляемом по правилам, отраженном в навыках, в материальных и авторитарных ресурсах предусмотренном действии.

Действия и структуры в местных сообществах завязаны друг на друге, Э. Гидденс называет эту взаимозависимость дуальностью структуры и действия. Он подчеркивает, что дуальность структуры и действия означает, что правила и ресурсы, которые вовлечены в продуцирование и репродуцирование социального действия, одновременно представляются средствами системной репродукции [2, с. 70]. Пространственные структуры местных сообществ находят свою реализацию и выражение в материально действующей практике. Двусторонняя зависимость социальных предписаний как материальных, институциональных, символических ресурсов сообщества, так и социальных практик и форм их реализации будет точнее, когда объективированная в предметах история будет пониматься как габитус, и овеществленная в акторах история также будет пониматься как габитус. Габитуализированными будут те социальные действия, которые концептуально исходят из специфических структур сообщества в их практическом и материально-ориентированном смысле, когда действия ориентируются не на логику волевого решения, а на практическую логику, во внимание берутся пространственные и временные условия действия. Если воспринимать жесты, привычки, действия или причины как выражение практического смысла, тогда развиваются и раскрываются те же жесты, привычки, действия и причины в зависимости от контекста социализации в местном сообществе. На уровне индивидов категория габитуса понимается как специфически полевое восприятие, оценка, схема действия, вписывающаяся в специфическую схему сообщества. Оба габитуса в местных сообществах существуют одновременно.

На уровне сообщества контекстная зависимость схем восприятия, оценки, действий в этом сообществе, распространенных общественных мнений понимается нами как докса местного сообщества, как общепринятый смысл места сообщества. Термин «докса» использовал П. Бурдьё в 1977 г. в своем тексте «Схема теории и практики» для обозначения смысла принадлежности к определенному сообществу, набора определенных условий социальной подвижности в пределах социального пространства, характерных поведенческих действий каждого социального индивидуума, его культурных ориентаций в этом сообществе [3, с. 79].

Исходя их традиций социальной феноменологии, докса в местном сообществе означает основное, базовое восприятие мира, духа, ментальности это-

го сообщества, общепринятое мнение, представление, которое уже в себе самом несет принципы восприятия определенных процессов в сообществе, принципы коммуникативных действий, ценностных отношений. Любое сообщество производит свое собственное восприятие, доксическое мировосприятие своего места, пространства через свои специфические установки. Понятийная пара «докса сообщества» базируется на структурной и смысловой привязке всех правил и ресурсов сообщества. Логика доксы вытекает из социальной концентрации и гетерогенизации сообщества. Габитус местного сообщества является материально-практическим смыслом для этого места, местно-специфической схемой восприятия, оценки и действия в нем. Таким образом могут быть очерчены понятийные рамки исследования местного сообщества через процессы собственной логики.

Понятием габитуса определяется точно тот регион доксы, который завязан на восприятии местных качеств, доксически эти качества сообщества вписываются в структуру габитуса (быстрый или медленный ход в том или ином сообществе, различные практики самопоказания, позиционирования при послеобеденной прогулке по воскресеньям или при вечернем променаде). Докса означает структуры смыслового контекста сообщества, который артикулируется в правилах и ресурсах места и который, в свою очередь, реализуется в архитектуре, технологиях, планировании, союзах и объединениях. Понятийная пара «докса/габитус» предопределяет структурированную социальность сообщества и концентрирует внимание на структурах специфического места.

Выражение «собственная логика сообщества» мы вводим как рабочее понятие. Собственная логика охватывает праксеологически скрытые структуры местных сообществ, проигрывающиеся на этом месте процессы, пререфлексивные процессы смысловой конституции (доксы) и ее материально-когнитивное предписание. Под смысловой конституцией понимается не субъективная способность восприятия и поведения каждого отдельного индивида, а реальность, не зависящая от индивидуальных действий, которая может быть описана как действующая собственно-логическая реальность. Понятие «собственная логика» указывает, что общие логические константы, такие как урбанизация, концентрация, гетерогенизация, развивают местно-специфические собственно смысловые соединения и композиции.

Таким образом, собственная логика может пониматься как логика места или местная логика. Логика места не только индивидуальна, она – чистый результат институализированных структур местного сообщества. Существует повседневная и габитуализированная практика (понимаемая как структурированные и структурирующие действия), которая протекает местно-специфично с точки зрения исторических событий материальной субстанции, технологических продуктов, культурных практик, а также экономических и политических фигураций. Собственная логика – это неоспоримая информация о местном сообществе, проявляемая в различных речевых выражениях, она может быть реконструирована на основе различных тем, например, в выражениях речи жителей, в графических картинках этого сообщества, в письменных источниках (от романов до туристических репортажей), в строительных конструкциях и планировании сообщества, в событиях, таких как карнавал, день города, парад, в предметах материальной культуры. Собственная логика местного сообщества вырисовывается через конститутивные предметы жизненной практики, через человеческую телесность, габитус, в материальности квартир, улиц, центральных площадей, культурную практику, в речевых оборотах, в эмоциональной атмосфере сообщества, в политической практике, в экономической потенции, в маркетинговых стратегиях и т.д.

Собственная логика местного сообщества означает ансамбль взаимозависимых составов знания и форм выражения, через которые местные сообщества превращаются, становятся специфическими смысловыми местами. Собственная логика актуализируется в повседневных, осуществляемых по определенным правилам, стабилизированных формах поведения, через ресурсы действия. Можно редуцировать собственную логику до одного значения, признака. В некоторых сообществах внутренняя взаимосвязь может быть довольно противоречивой (структурирование деятельности через разделение или комплексные противоречия расположенных аграрных и городских поселений).

Почему одно сообщество может решить проблему лучше, раньше, объемнее, чем другое? Какое сообщество чаще открывает возможности демократического влияния на своих жителей и почему? Почему в некоторых сообществах некоторые проблемы не воспринимаются вообще? Эти вопросы были бы интересны, если бы институциональным рамочным и финансовым возможностям соответствовали равные условия. Собственная логика местных

сообществ – это категория, с которой возникает собственное развитие сообщества, и отсюда результирующая сила к структурированию практики. Собственная логика подчеркивает длительные диспозиции, которые связаны с социальностью и материальностью сообществ. Собственная логика – тот самый механизм, который придает локально специфическую форму течению всех событий. Собственная логика – это схема, которая наряду с другими (логика национального государства, логика глобальных форм, кроме сознательной подконтрольности через единицы), вписывается в практику жизни индивидов и делает возможным действие специфическим образом. Собственная логика в этом отношении не может быть описана как когнитивный акт, познавательное действие. Она проявляется на базисе практического знания в повседневности упорядочивания, в постоянной практике чувства совместного сожительства и чувства жития чужого, другого. Собственная логика реализуется и репродуцируется через телесное напряжение и расслабление, через раздражение или радость материальных субстанций, в специфическом образе пространств, в варьированном использовании технологий и как концентрация событий и материализаций в исторически выращенных структурах и в институализированном сравнении.

Для нашего исследования это означает, что любое поле сообщества, от интенсивности движения на дорогах до уличных праздников, представляет возможность в этом поле увидеть и проанализировать собственную логику сообщества. Чтобы разглядеть собственное, требуется сравнение.

Собственная логика проявляется тогда, когда можно наблюдать логику репродуцирования собственного в различных полях действия исследуемого сообщества и дифференциацию к другим сообществам. Местные сообщества – это специфические места. Местные сообщества в их качествах как места необходимо связаны с вспомнутым, познанным, запланированным или нафантазированным, привязанным к конкретному месту действием. Через специфические практики возникают локальные нити, рассказы и стратегии, чтобы познать собственное и воспроизвести. Пьер Бурдьё тематизирует эти явления как «эффекты места», существующие образцы значения, практики и фигурации власти, которые в этом конкретном сообществе имеют более высокую убедительность, чем в другом месте [4, с. 159].

Места развивают собственные логики как социально конструируемые феномены. Эти логики действуют на образцы познания тех, кто в них живет. Логика, которая исходит из места, исследовались М. Фуко, А. Лефевром, П. Бурдьё. То, что есть другой тип осознания и идентификации социальной действительности, мы убедились при изучении текстов японских философов Кимуры Бин, Китаро Нисида, Ватсуйи Тетсуро, Коямы Ивао, Накане Чи, Огавы Тадаши, Симицу Хироси, отдельных работ по японской философской культуре, изданных у нас в России, работ по японской философии в немецкоговорящем дискурсе, философии Киотской школы [5].

Однако вопрос о влиянии пространственных факторов, форм архитектуры, геологических и климатических различий на восприятие, действие, реализуемые социальные действия, еще не исследован. М. Фуко, А. Лефевр первыми стали ставить вопросы влияния пространства города, местного сообщества на социальные отношения [6; 7].

Работы П. Бурдьё аргументируют, что исследование местного сообщества должно быть дифференцировано по уровням жизни. И тогда различные направления развития, несмотря на структурно одинаковые условия, можно объяснить только именно различным уровнем жизни разных групп и слоев по профессиональной, гендерной, возрастной принадлежности [8]. Такой пример: водители такси отличаются по уровню жизни от преподавателей вузов. Однако уровень жизни таксистов в Томске отличается от уровня жизни таксистов в Москве.

В местных сообществах разные уровни жизни обуславливают различные формы практик. Это не исключает, конечно, в местных сообществах протестные формы и субкультурные проявления. Собственная логика местного сообщества доминирует, воздействуя самостоятельно и на субкультуры, вливаясь в них. С другой стороны, можно дифференцировать виды практического воздействия собственной логики, исходя из уровней жизни, гендерных различий, возрастных, этноспецифических. Практика гетерогенного общественного развития дает многочисленные возможности смыслообразования от специфических полей, полевых ресурсов, уровневых ресурсов.

Социальная дифференциация в местных сообществах зависит от формы и способов ее интерпретации. Приписывание смысла определенным процессам в местных сообществах – это не только процесс развертывания возможностей

и форм интерпретации, но и наличие процесса ограничения восприятия отдельных действий присутствующими в сообществе смысловыми возможностями. Что может быть рассказано о местном сообществе, как в нем организовано производство, зависит от того, какой образец интерпретации признан в этом сообществе убедительным. Когда люди постоянно встречаются с тем или иным социальным действием, они повседневно на него реагируют, возникают институализированные и габитуализированные формы практик, и это имеет местно-специфическое значение. Томас Лукманн и Петер Бергер называют постоянное повторение интерпретаций социальных действий и из них вытекающих последствий традицией и легитимацией [9].

Если удастся через интерпретацию собственно-логичное в местном сообществе оторвать от исторического контекста и передавать из поколения в поколение, это становится доминирующим интерпретационным образцом. Легитимизируются значения, интерпретации с точки зрения высшего смысла или рациональности, прагматической важности в этом местном сообществе. Эти интерпретационные образцы могут быть доксическими. Они соотносятся с повседневной практикой и образуют важный аспект собственно-логической структуры сообщества. Они становятся символическими ресурсами сообщества.

Однако собственная логика местных сообществ не может быть заменена имиджевой компанией индивидуальных актов действий. Не только мэру, но и рекламщику или директору банка удастся влиять на познавательное пространство сообщества. Единичные и особенные объединительные конструкции воспринимаются как местно-специфические и этим отличающиеся смысловые продукты, в которых различные общественные группы совместно действуют – от профессионалов городского маркетинга и архитектурного планирования до туристов и локальных экспертов, таких как таксисты и полицейские. При этом каждая группа понимается в своих действиях и как сопроизводитель, продуцент собственной логики, и как продукт местно-специфического смысла.

Доминантные способы прочтения собственной логики местных сообществ

Удачный сити-брендинг может собственную логику вычленивать, подхватывать и таким образом усиливать. Под сити-брендингом мы понимаем концентрированный процесс, аттрактивные и продуцирующие различия местного сообщества,

признаки, которые ложатся в стратегические направления. Это осуществляется через целевые маркетинговые стратегии, через фильмы, книги, картины или события. О брэндинге сообщества говорят тогда, когда местное сообщество воспринимается как персональность, персоналия, когда жители и гости выстраивают определенные отношения с этой персоналией. Когда специфические признаки воспринимаются как типичные в восприятии того или иного сообщества, тогда оно различимо и идентифицируемо. Они могут действовать хаотично и неразлично одинаково. Брэндинг – это продолжение доминантных способов чтения местного сообщества, которые передают впечатление гостям и коренным жителям, как можно идентифицировать местное сообщество. В процесс брэндинга вносят вклад здания, картины, кинофильмы, рассказы, от романов до повседневных разговоров. Через это познаются местные сообщества. Некоторые сообщества становятся распознаваемыми на базе коротких базисных рассказов. Некоторые кинофильмы действуют как счастливый случай рекламных стратегий сообщества. Хороший маркетинговый эксперт может подхватить нарратив местного сообщества и укрепить его слоганами, но и многие производители фильмов или писатели имеют такую возможность. В отличие от имиджа, брэндинг однозначно нацелен на позитивные моменты. В отличие от продукт-брэндинга, при сити-брэндинге исходят из того, что через маркетинг малоуправляемо. Сити-брэндинг только тогда существует, когда он в повседневной жизни остается живучим. Брэнд «Томск – Сибирские Афины», например, живет уже несколько десятилетий. Многие сообщества (и те, о которых обычно знают, даже если там еще не были) носят читабельные, различимые, идентифицируемые маркировки. Эти сити-брэндинги преследуют в повседневной практике цель пробудить любопытство, привлечь туристов, гостей, сфокусировать на чем-то внимание и дают возможность идентификации местного сообщества. Брэндинги производят эффекты действующие и на индивидов, живущих в этом сообществе. Если брэндинг действует и внутри, и за пределами сообщества, через него придается соответствующая оценка этому маркированному продукту, т.е. этому сообществу. Жить в конкретном местном сообществе или его посетить означает тогда не только осмотреть достопримечательности и прочувствовать своеобразную его атмосферу, но и увеличить социальный, культурный капитал посетившего или группы. Брэндинг существует тогда, когда характеристика сообщества в картинах, текстах, слоганах акцептируется в повседневной

жизни и репродуцируется в ней. Брэндинг может дать информацию, справку о том, какие концентрации, компрессии, конденсации в сообществе действительно возникают. Это может быть интерпретировано как практическая социализация, как образное выражение доксы местного сообщества. Брэндинговые тексты и образы получаются в тех местных сообществах, в которых брэндинговые характеристики приводятся в убедительной художественной форме.

Местные сообщества развивают свои собственные логики и без брэндинга, брэндинги только тогда эффективны, если они завязаны на собственно-логические структуры местного сообщества. Так как брэндинги всегда нацелены на позитивные грани сообщества, то они могут быть и формами сокрытия какой-то информации. Неудачи и деструктивные моменты сообщества не передаются через брэндинг. Таким образом, брэндинговые маркировки могут быть только исходным пунктом, а не анализом собственной логики сообщества. Довольно часто маркетинговый имидж вливается в попытку переписать структуры местного сообщества. Эти попытки в любом случае завязаны на структуры, поэтому брэндинг для анализа собственной логики довольно показательное явление. А вот рекламный слоган всегда напрямую вливается в собственную логику. Если рекламный слоган исчезает через какое то время, тогда маркетологи либо были плохими герменевтиками и не понимали, как идентифицировать доксические константы определенного сообщества, либо потерпели неудачу в точном позитивном определении структур сообщества.

Выводы:

Необходимость социально-философского, дифференцированного исследования местных сообществ вытекает из отсутствия обобщения специфических изложений феноменов местных сообществ, методики вычленения и описания местно-специфических потенциалов, понимания следствий, вытекающих из местно-специфических логик, практики применения сетевого и полевого описания местных сообществах.

Местные сообщества – социальные образования с собственной логикой, рождающие дифференциальные различия по отношению к другим сообществам, одновременно представляя внутриживущим в сообществе конструкции единения и собственной местной самости. Собственная логика местных сообществ помогает понять их специфическую детализацию.

Институализированные структуры в местных сообществах являют собой изолированные массы правил и ресурсов, аллокативных и авторитарных. Институализированные структуры местного сообщества, в отличие от общественной структуры в целом, показывают зависимость от места и времени события. Ресурсы и правила имеют местно-специфическую силу. Смысловая структурированность местного сообщества базируется на осуществляемом по правилам, отраженном в навыках, в материальных и авторитарных ресурсах, предусмотренном действии.

Двусторонняя зависимость социальных предписаний как материальных, институциональных, символических ресурсов сообщества, так и социальных практик и форм их реализации, объективированных в предметах истории, понимается как габитус, и овеществленная в акторах история также понимается как габитус. Оба габитуса в местных сообществах существуют одновременно. На уровне сообщества контекстная зависимость схем восприятия, оценки, действий, распространенных общественных мнений определяется как докса местного сообщества, как общепринятый смысл места сообщества. Логика доксы вытекает из социальной концентрации и гетерогенизации сообщества. Габитус местного сообщества является материально-практическим смыслом для этого места, местно-специфической схемой восприятия, оценки и действия в нем.

Понятийные рамки исследования местного сообщества очерчиваются через процессы собственной логики. Собственная логика охватывает праксеологически скрытые структуры местных сообществ, проигрывающиеся на этом месте процессы, пререфлексивные процессы смысловой конституции (доксы) и ее материально-когнитивное предписание. Собственная логика местного сообщества означает ансамбль взаимозависимых составов знания и форм выражения, через которые местные сообщества превращаются, становятся специфическими смысловыми местами. Собственная логика актуализируется в повседневных, осуществляемых по определенным правилам, стабилизированных формах поведения, через ресурсы действия.

Анализ собственной логики местных сообществ, развития их по собственному смыслу выявляет креативную силу специфического структурирования практики сообщества. Собственная логика сообщества – это понятие, которое хорошо вписывается в концепт комплекса объекта исследования и его

предметных констелляций, которые стоят во внутренней взаимосвязи друг с другом и базируются на осуществляемых по правилам, повторяющихся изо дня в день стабилизированных формах действия, опирающихся на ресурсы.

Собственная логика местных сообществ выявляет все основные диспозиции, которые привязаны к материальности и социальности сообществ и конституируются в системе национальных и глобальных черт. В контексте сообществ собственная логика одного сообщества может быть сотрансформирована в другом сообществе. Связность сообществ указывает на то, что собственная логика никогда не объясняется только историческими условиями. Что до сих пор воспринималась только через перенесение телесно ориентированного концепта на сообщества (габитус сообщества), через персональные черты на сообщество (биографии сообщества) и как эмоциональная сфера (структура чувствований), сейчас может быть изображено как местно-специфические структуры и их реализация, как докса и габитус. Собственная логика сообщества как вопрошаемая достоверность, точность об этом сообществе находит свое выражение в различных выразительных образах, это одновременно обозначается и в материальности, и в символической структуре сообщества. Материальные ресурсы одновременно являются элементами социальной практики, которые в собственно-логических достоверностях в сообществе влияют так же, как символически структурированная практика. Каждое сообщество имеет внутренние дифференциации. Социальный уровень, возрастные группы и гендеры в повседневной жизни ориентируются на структуры сообщества и на доминантные локальные смысловые комплексы.

Сообщества могут быть поняты из практического знания и сравнительных динамик. Сообщество как объект исследования социальной философии может через понятие формы конструироваться практикой. Местное сообщество может быть познано и реконструировано как структурное единство, как система и как собственно-логическое образование. Форма жизни сообщества определяется категорией специфической физически реальной структуры, специфической социальной организационной системы, образования с собственной логикой, составом позиций и мыслей.

Местное сообщество – психически реальная пространственная структура, теоретически воспринимаемая топологически, через четко установленные правила и ресурсы, образцы рационального и неизменяемого порядка. Про-

странственные структуры вытекают из технико-материальной структуры общества, и они реализуются в овеществленном виде, материальном виде, через габитус. Структуры местного сообщества в действии могут быть рекурсивно репродуцированы, образцы планирования местного сообщества заимствуются из пространственных структур, с которыми они идентифицируются. Как социальная организационная система местное сообщество представляется в виде образования пространственно-временного действия, направленного на социальное сотрудничество, на опытное и институализированное действие. Социальная концентрация в местных сообществах понятийно связана с институционализированным контекстом, который погружен в материальное. Структуры и действия связаны систематически через нити опыта и пути развития, через габитус материального и повседневность восприятия. Четкий состав действий и мыслей подразумевает уровень символизированных и систематизированных форм повседневности, которые отражают страницу презентации сообщества. Исследования местных сообществ развивают последовательные, сукцессивные гипотезы о текстуре сообществ в смысле собственно-логического значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Georg Simmel*. Die Großstädte und das Geistesleben // Surkamp Verlag GmbH, 2006.
2. *Giddens Antony*. Die Konstitution der Gesellschaft// Grundzüge einer Theorie der Strukturierung. Frankfurt am Main. New York: Campus, 1997.
3. *Bourdieu Pierre*. Outline of a Theory of Practice // R. Nice, transl. Volume 16. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
4. *Bourdieu Pierre*. Ortseffekte// In: Bourdieu Pierre u.a. (Hrsg.): Das Elend der Welt. Zeugnisse und Diagnosen alltäglichen Leidens an der Gesellschaft// Konstanz: UVK Verlag, 1997.
5. *Макогон Т.И.* Что дает обращение к японской философии при описании местных сообществ? // Научный журнал Теория и практика общественного развития № 8, 2012.

6. *Foucault M.* Fragen an Michel Foucault zur Geographie // Schriften in vier Bänden. Dits et Eskrits. Bd. III. Frankfurt am Main: Hrsg. von D. Denfert, F. Ewald, J. Lagrange, 2003.
7. *Lefebvre H.* Die Produktion des Raums // Raumtheorie. Grundlagentexte aus Philosophie und Kulturwissenschaften. Frankfurt am Main: Hrsg. J. Dünne, S. Günzel, 2006.
8. *Bourdieu Pierre.* Sozialer Raum und Klassen. Frankfurt am Main. Leçon sur la leçon, 2 Vorlesungen, 2. Auflage, Suhrkamp Verlag GmbH, 1995.
9. *Berger Peter, Luckmann Thomas* 1970. Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Wissenssoziologie. Frankfurt am Main, Fischer Taschenbuch Verlag, 2003.

R E F E R E N C E S

1. *Georg Simmel.* Die Großstädte und das Geistesleben // Suhrkamp Verlag GmbH, 2006.
2. *Giddens Antony.* Die Konstitution der Gesellschaft // Grundzüge einer Theorie der Strukturierung. Frankfurt am Main. New York: Campus, 1997.
3. *Bourdieu Pierre.* Outline of a Theory of Practice// R. Nice, transl. Volume 16. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
4. *Bourdieu Pierre.* Ortseffekte// In: Bourdieu Pierre u.a. (Hrsg.): Das Elend der Welt. Zeugnisse und Diagnosen alltäglichen Leidens an der Gesellschaft// Konstanz: UVK Verlag, 1997.
5. *Makogon TI* What makes an appeal to the Japanese philosophy in the description of the local communities? // Scientific Journal of Theory and Practice of Community Development number 8, 2012.
6. *Foucault M.* Fragen an Michel Foucault zur Geographie // Schriften in vier Bänden. – Dits et Eskrits. Bd. III. Frankfurt am Main: Hrsg. von D. Denfert, F. Ewald, J. Lagrange, 2003.
7. *Lefebvre H.* Die Produktion des Raums // Raumtheorie. Grundlagentexte aus Philosophie und Kulturwissenschaften. Frankfurt am Main: Hrsg. J. Dünne, S. Günzel, 2006.

8. *Bourdieu Pierre*. Sozialer Raum und Klassen. Frankfurt am Main. Leçon sur la leçon, 2 Vorlesungen, 2. Auflage, Suhrkamp Verlag GmbH, 1995.
9. *Berger Peter, Luckmann Thomas* 1970. Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Wissenssoziologie. Frankfurt am Main, Fischer Taschenbuch Verlag, 2003.

Томский государственный университет

26 апреля 2013 г.
